

О горевестниках и достоинствах альтернативной медицины

Маргарита Эрнандес

Всю дорогу до монастыря Маргарита, быстро привыкнув к заданному японцем темпу, старалась не оставить без контроля ни одну кажущуюся ей важной вещь. Выбирает ли Тору самую короткую дорогу, как себя чувствует Валентин, в порядке ли после всего произошедшего Дарсия – все это постоянно находилось в фокусе внимания девушки. К счастью, серьезных проблем в пути у импровизированной «скорой помощи» не возникло и на территории монастыря участники неудавшейся тренировки оказались даже быстрее, чем Эрнандес рассчитывала.

Немного подумав, Маргарита решила, что им лучше сразу отправиться в лазарет, где, вполне вероятно, могла находиться искомая мастер Давенпорт. Дарсии же было дано задание отправиться домой, найти маму, все ей рассказать и привести на помощь юному страдальцу, в том случае, если Арлетта, которой последнее время везло на дежурства в лазарете, сегодня находилась где-то в другом месте. За выполнение этого задания девочка, сильно переживающая за брата и потому старающаяся быть максимально полезной, взялась с радостью, скрывшись из виду вскоре после того, как Рита закончила давать ей поручение.

На территории монастыря роль «поводыря» по понятным причинам Маргарита взяла на себя, показывая Тору кратчайшую дорогу до лазарета. Последние шаги перед тем, как они добрались до места назначения, сопровождались взволнованным биением сердца. Рыжая безумно нервничала, представляя, как им придется передавать на руки Арлетте покалеченного сына, особенно учитывая тот факт, что идея позволить детям участвовать в тренировке принадлежала именно ей. Но, собравшись с духом, Маргарита, когда пришло время, решительно переступила порог лазарета и скрылась в глубине помещения, предварительно показав Мотидзуки жестом следовать за ней.

Тору Мотидзуки

Хоть паренек был не таким уж и тяжелым, к концу их небольшого путешествия Тору успел заметно устать, но он скорее бы отрубил собственную руку, чем снизил темп или попросил передышки. Так что с учетом его состояния и общего положения дел, японец практически не обратил внимания на момент перехода через ворота монастыря, к которому готовился несколько лет. Мотидзуки лишь вяло отметил про себя, насколько простым и банальным оказалось то, что он некогда считал шагом в иную реальность, где его жизнь должна была измениться кардинальным образом.

По территории монастыря Тору шел следом за своей проводницей, стараясь особенно не смотреть по сторонам, концентрируясь только на их изначальной цели – доставить ребенка туда, где ему смогут оказать помощь. Чувство вины продолжало шнырять где-то во внутренностях противным червячком, усугубляясь неприятными предчувствиями, связанными со встречей с матерью Валентина. В свое время Мотидзуки старался отказываться от ведения детских групп именно по причине

наличия у его подопечных истеричных матерей, готовых устроить скандал из-за порезанного пальчика ребенка. А здесь имелась целая сломанная нога... Оставалась, конечно, небольшая надежда, основанная на адекватности паренька, что его родители не походили на особ, с которыми ему приходилось встречаться раньше, но на такое везение Тору сильно не рассчитывал.

Тем временем девушка привела его к зданию, которое ранее обозначила как лазарет и, недолго думая, скрылась в его недрах. Чувствуя, как от усталости начинают подкашиваться ноги, а зуд от заливающего лицо пота становится практически нестерпим, японец быстро последовал за ней, надеясь, что самая неприятная часть сегодняшнего дня все же осталась позади и встреча с разъяренной матерью не сможет сравниться с самой ситуацией травмы и последовавшим за этим переходом.

Валентин Давенпорт

Валентин, по сути, всю дорогу только то и мог делать, что стараться лишний раз не дергаться, и эта ситуация его ужасно напрягала. Для мальчишки попросту ничего хуже не было, чем ехать безучастной и беспомощной колодой, которую, по сути, просто тащат. Ужасное положение. Ну решительно от всех была польза, один только Валентин сам этой помощи требовал со всех сторон. Прямо кошмарный сон какой-то. Мальчик от своей несамостоятельности жутко страдал, но сделать, похоже, не мог ничего, только терпеть самого себя в таком виде.

Маргарита отправила Дарсию искать маму дома - Валентин же больше верил в то, что маму у них получится отыскать в лазарете. Вроде как она сегодня с утра туда собиралась. Кажется, даже не на дежурство, а по другой какой-то причине, но вроде бы говорила что-то похожее. А уж в непосредственной близости от лазарета, так Валентин и вовсе чуйкой почуял: точно. Пришли по адресу.

- Мам, я ногу сломал! - оповестил Фельтин еще от порога, громко, внятно и раздельно. Чтобы потом не было глупых ситуаций, в которых придется по десять раз повторять и переспрашивать, потому что кто-то пробубнил, а кто-то другой не расслышал. Валентин хотел было сразу добавить и еще что-нибудь, для большей ясности, но потом решил, что все-таки стоит выдавать информацию по чуть-чуть. Сообразно тому, насколько мама взволнуется и рассердится.

Арлетта Давенпорт

Изначально Арлетта планировала провести в лазарете минут десять, встретившись там с Евгенией и ответив на пару насущных вопросов, но планы, как всегда, максимально разошлись с реальностью. Сперва выяснилось, что Евгения вопросов притащила целый немалый список, и каждый ответ только порождал у нее новые вопросы, так что засесть пришлось надолго. Потом, стоило Арлетте распрощаться с ученицей, и практически тут же в дверях появился Эйнар, несущий свои глаза на осмотр и лечение, как всегда, серьезный и печальный. У Давенпорт было стойкое ощущение, что если они и дальше будут ограничиваться замазыванием симптома, а не излечением проблемы, то однажды юноша свои глаза принесет в лазарет уже в ладони, как совсем нерабочие. С корнем проблемы же разобраться пока возможности не было - работа с нервами была очень тонкой, Арлетте еще предстояло ее осваивать и осваивать. Этим Давенпорт и занималась, выискивая в имевшихся в лазарете трактатах посвященные сложной теме страницы, когда у входа в лазарет сперва раздались шаги, а потом голос сына оповестил, что у него

беда.

На голос сына Арлетта вылетела из дальней комнаты немедленно, оценивая ситуацию и пытаясь понять, насколько все плохо. Оценила как ситуацию, не слишком трагически запущенную, поправляемую руками и требующую быть немедленно поправленной, коротко кивнула Маргарите, у которой были такие взволнованные круглые глаза, словно она лично поломала Фельтину ногу и в четырех местах, и, указывая на комнату для больных, обратилась к мужчине, на спине у которого ехал Валентин: - Пожалуйста, вот сюда, на циновку. Спасибо! Как умудрился? - изначально вопрос предназначался Фельтину, но в последний момент Арлетта ухитрилась адресовать его в пространство и спросить вроде как у всех сразу. Вспомнила о манере сына на неудобные вопросы отвечать кратко - узнать важные подробности, если таковые есть, ей такая краткость не поможет.

Маргарита Эрнандес

Еще не успели они обнаружить Арлетту, как Валентин, видимо, уверенный, что его мама находится именно в лазарете, возвестил на всю округу о своем переломе, тем самым не дав рыжей времени на подготовку достойной повинной речи. И, как по мановению волшебной палочки, перед странной командой из трех человек, разной степени помятости, материализовалась сама мастер Давенпорт. И тут же, в свойственной ей манере, спокойно оценила ситуацию и принялась координировать дальнейшие действия участников неудавшейся тренировки.

Пока Тору усаживал Валентина на циновку, Маргарита, в ответ на вопрос наставницы, решила кратко рассказать о произошедших у озера событиях, на случай, если это сможет как-то помочь.

- Изначально всю эту кашу заварила я, - в голосе рыжей прозвучали искренние нотки сожаления. — Позвала Валентина и Дарсию, которую я сейчас отправила домой, на случай, если тебя не окажется в лазарете, поучаствовать в совместной тренировке с боккенами. Земля оказалась слишком скользкой, Дарсия неудачно упала и влетела деревянным мечом Валентину в колено. Я обнаружила перелом, но, поскольку еще не умею залечивать такие травмы, остановилась на том, что сняла болевые ощущения. Ну и мы совместными усилиями постарались зафиксировать ногу тем, что было под рукой и тут же отправились за помощью.

Маргарита кивнула в сторону странной конструкции, украшающей ногу Валентина и состоящей из пары боккенов, длинного пояса и вытасченного из ножен сагэо. Вряд ли кто-то до них умудрялся использовать самурайские атрибуты столь нестандартным образом, так что Фельтин, получив столь уникальный опыт, оставлял далеко позади не только всех обитателей монастыря, но и коренных японцев.

Тору Мотидзуки

Когда вместо истеричной мамочки, поливающей грязью всех, кто, так или иначе, был связан с получением ее несчастным мальчиком травмы, перед его глазами возникла спокойная молодая женщина, причем показавшаяся ему молодой настолько, что Тору подивился наличию у нее сына подросткового возраста, Мотидзуки мысленно поблагодарил всех известных ему богов. Особенно восхитило японца то, насколько быстро мать Валентина сориентировалась в ситуации и перешла к конкретным действиям, утверждая его в мысли, что монастырь все-таки является необычным

местом, давшим пристанище самым удивительным людям.

На заданный, как показалось мужчине, всем присутствующим вопрос Маргарита начала вводить мать пострадавшего в курс дела, в то время как он аккуратно, стараясь, лишней раз, не бередить травмированную ногу, усаживал ребенка на циновку. Когда японец закончил со своим заданием, устроив Валентина максимально удобно, насколько это было возможно в сложившейся ситуации, у него, наконец, появилась возможность вытереть с лица пот, немного размять затекшие плечи и, на момент окончания рассказа об обстоятельствах, приведших к травме и последующих действиях, добавить свой комментарий.

- Прошу прощения, это моя вина. Я позволил детям принять участие в тренировке и не смог обеспечить их безопасность. – Договорив, Тору поморщился, поскольку после повинной речи Маргариты его искренняя попытка взять ответственность на себя прозвучала как-то наигранно. Для полного ощущения попадания в театральную постановку не хватало только крика Валентина о том, что во всем виноват он. Странная рыжая особа женского пола, существо определяемое, как мужчина, но своим обликом в данный момент больше напоминающее дикое животное и травмированный ребенок – совсем не та компания на общение с которой любая нормальная женщина хотела бы тратить свое время. Так что японец, желая не усугублять ситуацию, пообещал себе в следующий раз лучше следить за словами и, несмотря на свой не самый располагающий к доверию внешний вид, вести себя предельно корректно.

Валентин Давенпорт

Интуиция не подвела - мама действительно оказалась в лазарете. И с первых же слов озадачила сложным, нехорошим вопросом. Валентин нахмурился - ему не казалось, что здесь вообще можно описать, как он "умудрился", так, чтобы не разводить сагу, сравнимую с Сильмариллионом. У Маргариты вот, которая как раз начала рассказывать, пока Валентин, старательно орудуя руками и уцелевшей ногой, помогал пересаживать себя на циновку, получалось как-то тяжело, долго и путано, и когда Мотидзуки-сан к ней присоединился, лучше совсем не стало. Это всё укрепило мальчика в мысли, что чем короче и чем с меньшим количеством подробностей рассказывать, тем лучше по итогу выйдет.

- Роковое стечение обстоятельств, - подытожил Валентин, которому вообще казалось, что найти самого главного виноватого и отхватить ему голову тут не получится, слишком уж запутанно всё получилось. Да и потом, Фельтин интуитивно чувствовал - мама не злится. Значит, выискивать самого виноватого, чтобы голову ему отхватить, не должна.

- Там же не очень плохо все разбито, да? - с надеждой спросил Фельтин, указывая на свое колено. Маргарита уже сказала, что не вдребезги, но хотелось бы услышать что-нибудь еще более обнадеживающее. Валентин понятия не имел, сколько времени мама сегодня провела в лазарете и сколько болящих учеников к ней успело за это время примчаться, требуя помощи, - но что-то слышал о соотношении гласящем, что чем больше таких болящих было, тем сложнее потом работать с каждым последующим болящим. Так что хотелось, чтобы мама была не очень уставшей, а нога - не очень нехорошо поломанной, и это будет таким оптимальным вариантом, какой сейчас вообще может только иметь место.

Арлетта Давенпорт

По изложению Маргариты и ее сотоварища у Арлетты едва не возникло стойкое ощущение, что виноваты, почитай, все. А витиеватое, лихо закрученное дополнение Валентина еще и предполагало, что виноваты все, включая солнце, море, звезды, всех надо построить вдоль стенки и расстрелять. Замечательная картина вырисовывается.

- Кто виноват, разберемся потом, - твердо сказала Арлетта, совершенно не настроенная сейчас запутанно выяснять, кто первый, да где допустил ошибку, да какая ошибка стала роковой и чья тут в итоге страшная вина. Перед американкой сейчас маячила одна насущная проблема: сломанная нога сына, и в сравнении с этим все остальное как-то меркло и становилось вторичным. Давенпорт лишь выцепила из слов Маргариты, что в этом происшествии еще и дочка приняла участие, а потому немедленно спросила: - Как Дарси? В порядке?

Вглядевшись в ауру Валентина, Арлетта рассмотрела пострадавшую кость и пришла к выводу, что ее все-таки надо вправлять, а уже только потом сращивать. Замысловатая фиксирующая конструкция мешала удобно подобраться к ноге, поэтому Арлетта, опустившись рядом с циновкой на колени, первым делом принялась распутывать замысловатые узлы и освобождать боккены, ворчливо отвечая: - То, что там разбито - уже плохо.

Отложив в сторону боккены и сдерживавшие их шнур и пояс, Арлетта по новой коснулась ноги Валентина синей энергией, повторно задавливая начавшие было вновь проступать алые пятна боли. Потом взялась за ногу сына, вправляя сместившуюся кость - это требовало сосредоточенности и не позволяло одновременно вести непринужденный разговор, забалтывая взволнованную компанию, но Давенпорт посчитала, что компания неплохо заболтает себя сама, если дать им вводный вопрос, а потому напомнила: - Так что, вы говорите, за тренировка была?

Маргарита Эрнандес

Арлетта не стала тратить время на поиск и наказание виноватых, немедленно приступив к выяснению серьезности травмы сына и постепенному возвращению его ноги в приличное состояние, озаботившись только тем, что касалось дочери.

- Дарсия в порядке. Жива и здорова, только очень расстроена из-за случившегося. — Маргарита немного волновалась за девочку, поскольку та очень болезненно отреагировала на травму брата, но, полагая, что появление Валентина на двух целых ногах исправит ситуацию, решила оставить эту проблему без своего непосредственного вмешательства.

Арлетта, тем временем полностью погрузилась в процесс работы и, вероятно, чтобы как-то занять присутствующих, задала вопрос, касающийся тренировки. А раз вопрос был задан, то рыжая посчитала своим долгом на него ответить, даже если этот самый ответ на самом деле и не слишком интересовал ее наставницу.

- Все началось с того, что я несколько лет назад начала похаживать на сторону. — Маргарита как всегда начала издали, чтобы обогатить свой рассказ занимательными подробностями и заполнить возникшую в разговоре паузу. — А точнее, однажды в деревне я встретила Мотидзуки сана, узнала, что он мастерски обращается с катаной и упросила его чему-нибудь меня научить. Сегодня мы как

обычно договорились попрактиковаться с боккенами, но Дарсия и Валентин оказались на месте встречи, раньше, чем я. В итоге Мотидзуки сан согласился рассказать присутствующим всякие занятности о работе с мечом и по моей просьбе разрешил детям принять участие в тренировке...

Продолжать особого смысла не было, поскольку последствия дальнейших событий Арлетта могла сейчас наблюдать перед собой, так что Рита временно замолчала и опустила глаза. Взгляд девушки упал на зажатое в руках оружие, которое она несла всю дорогу до монастыря, и, сообразив, что настало время вернуть его хозяину, рыжая вопросительно посмотрела на Тору, уточняя, что ей делать дальше с катаной и вакидзаси.

Тору Мотидзуки

Мать мальчика продолжала поражать Тору адекватностью, уточняя только действительно важные моменты и без каких-либо разборок сосредотачиваясь на лечении Валентина. Стоило признать, что чудеса все-таки существовали, и одно из них он сейчас мог наблюдать прямо перед собой. А вот его рыжеволосая партнерша по тренировкам демонстрировала диаметрально противоположное поведение, говоря там, где стоило промолчать и дать человеку спокойно заниматься делом и, что самое неприятное, используя крайне сомнительные формулировки.

- Маргарита, - японец не удержался и нарушил данное себе обещание лишней раз никуда не влезать, - если взялась отвечать на вопрос, то будь точна. Во-первых, я историк, а не сказочник и потому рассказываю не занятности, а факты. Во-вторых, ты меня не просила чему-нибудь научить, а откровенно шантажировала. В остальном, все примерно так и было. – Последняя фраза адресовалась занятой ногой сына женщине, хотя Тору сомневался, что история их с Маргаритой знакомства и совместных тренировок ее сейчас хоть сколько-нибудь заботит.

Тем временем разговорчивая рыжеволосая особа вспомнила, что необходимость нести оружие своего наставника в воинских искусствах уже отпала и начала бросать в его сторону многозначительные взгляды, предлагая Мотидзуки забрать катану и вакидзаси. Что Тору немедленно и сделал, не оттягивая торжественный момент передачи мечей на неопределенный срок, поскольку пребывание личного оружия в чужих руках всегда заставляло его чувствовать себя как-то неуютно.

Валентин Давенпорт

- Там хоть кто-нибудь дома есть? - спросил Валентин, посчитавший нужным вмешаться в беседу, когда речь зашла о сестре. - А то Дарси тебя не найдет, на нервах полезет на стену, а она ж не ящерица, чтобы на стене удержаться, - сам Фельтин состояние сестры примерно так и оценивал, как страшно паническое. Если хотя бы Эмиль окажется дома, пусть даже и подмога из него такая себе, и успокаивать он не умеет напрочь, это уже все будет легче.

В беседе о собственно тренировке мальчик уже не участвовал - напряженно следил за тем, как мама колдовала над его ногой, и неуютно ежился. От того, что сперва Маргарита, а потом, повторно, уже мама сняли все болевые ощущения, они тем самым не убили чувствительность в ноге полностью, и Валентин вполне себе чувствовал, как у него внутри ноги движется вправляемая кость. Ощущение отнюдь не из приятных, а если в него еще начать вдумываться, так и вообще чуть ли не

тошнотворное. Фельтин старался особенно не вдумываться, и в красках не представлять, как там у него, что и куда двигается.

Радостные надежды внушало то, что мама не стала уточнять, насколько все плохо, несмотря на прямой вопрос. И Валентин разрешил себе считать, что, раз комментарии маме не понадобились, значит, там все не очень плохо. Ремонтируется ценой адекватных, обозримых усилий.

Арлетта Давенпорт

К тому моменту, как Арлетта вправила сыну кость и уже готова была заняться собственно ликвидацией перелома, Маргарита и Валентин успели озадачить ее двумя расходящимися потоками информации, касающимися Дарси. Арлетта уверенно ответила: - Там Эмиль. Его как минимум хватит на то, чтобы отвлечь ее от самобичевания, - и перевести огонь на себя. Это Миль умел мастерски - ляпнуть такое, что Дарси немедленно переставала грызть себя и бросалась вместо этого грызть брата. Таких гениальных способностей должно хватить если не на то, чтобы полностью погасить панику, то как минимум на то, чтобы заставить дочку временно об этой панике позабыть.

- Еще и шантажировала? Ужас! И вот с этой женщиной я разрешаю общаться своим детям! - шутливо сказала Арлетта, у которой заметно поднялось настроение. С самой сложной для нее частью - вправлением поломанной кости - Давенпорт уже справилась, оставалось только убрать перечеркивающую кость серую линию перелома. Арлетта направила на перелом оранжевую энергию, заживляющую кость, и, чувствуя, как у нее начинают наливаться неприятной усталостью запястья - сперва ремонтировала Эйнару глаза, теперь вот ремонтирует сыну ногу, и это все едва ли не подряд, и суммарная нагрузка получается внушительная, - попросила: - Дайте мне кто-нибудь, пожалуйста, воды? Там бочка у входа. И миска должна быть там же. Спасибо.

Маргарита Эрнандес

Слушая добавления Тору к своему рассказу, рыжая почувствовала, как от смущения начинают краснеть щеки. *Вот зачем японец решил влезть и тем самым испортить ее складную историю?*

- Ну, прямо так и шантажировала, - недовольно проворчала девушка, не решаясь, однако, опровергнуть слова своего наставника, поскольку использованные ей в упомянутой ситуации методы действительно носили сомнительный характер. — Всего лишь создала дополнительную мотивацию...

На самом деле, Маргарита, как только поняла, что Мотидзуки может ее чему-то научить, вцепилась в него, словно клещ. И даже угрожала постоянным преследованием, если тот не согласится позволить ей принять участие хотя бы в одной тренировке... Вспоминать о своем импульсивном поведении было немного стыдно, но на вопрос, поступила бы она сейчас точно также, Рита с вероятностью в девяносто процентов ответила «да».

За просьбу Арлетты принести воды девушка уцепилась, как за спасительный круг. Так что только наставница успела произнести последнее слово, как рыжая со скоростью реактивного самолета бросилась к стоящей у входа бочке, схватила

миску, наполнила ее на две трети и тут же помчалась обратно, умудрившись, несмотря на свою скорость, пролить не больше пары капель.

-Вот, - Маргарита торжественно протянула мастеру Давенпорт миску с водой. – Нужна ли еще какая-нибудь помощь?

В какой-то момент рыжей показалась, что она ведет себя как старающаяся загладить вину нашкодившая кошка. Но, немедленно прогнав посторонние мысли, Эрнандес замерла на одном месте и приготовилась слушать дальнейшие указания.

Тору Мотидзуки

Замечания японца не вызвали у девушки особой радости, но, признавая правдивость его слов, полностью отрешившись от своего не слишком корректного поведения Маргарита не стала.

- Шантаж чистой воды, - отрезал Тору, одновременно комментируя потуги своей ученицы как-то оправдаться и отвечая на вопрос женщины. – Но, смею вас заверить, - эти слова адресовались уже непосредственно матери Валентина, - ограничивать ее общение с детьми не стоит. Никогда не встречал другого человека, способного, так или иначе, всегда добиваться желаемого. Думаю, детям и даже некоторым взрослым стоило бы этому навыку у Маргариты поучиться.

Как бы часто активная рыжеволосая европейка не выводила его из душевного равновесия, Мотидзуки приходилось признать, что ее упорство, граничащее с ослиным упрямством, приносило свои плоды. И вряд ли кто-то другой мог бы столь успешно им манипулировать, а, временами, практически «вить из него веревки».

Не успел Тору даже повернуть голову в сторону входа, где, как было озвучено, находилась бочка с водой, как туда полетела «женщина-молния», посчитавшая, видимо, своим долгом реагировать на каждую просьбу матери мальчика со скоростью духа-помощника. Так что, не пытаясь с ней конкурировать, японец прислонился к стене и расслабился, здраво предполагая, что если его помощь понадобится, то ему об этом немедленно сообщат.

Валентин Давенпорт

От просто сидения на циновке с вытянутой ногой, когда вся доступная полезность заключалась только в том, чтобы этой ногой не дрыгать в самый неподходящий момент (а по возможности, не дрыгать ею вообще), Валентин весь совершенно извелся. Никогда бы раньше не подумал, что можно так устать от того, что просто сидишь, - оказывается, очень даже можно, если сидеть долго и бесполезно. Фельтин вытянул шею, следя за тем, как мама колдует над его ногой, и пытаясь понять, близится ли дело к торжественному финалу, в котором травма уже наконец будет побеждена, но вслух спрашивать, долго ли ещё осталось, не стал. Один ли, десять ли раз спросить, быстрее от этого всё равно не станет, поэтому лучше сразу рта на этот счёт и не раскрывать.

- Миску подержать? - с готовностью спросил Фельтин, которому ужасно хотелось наконец стать хоть сколько-нибудь полезным. Даже руки уже протянул, готовый в любой момент принять у Маргариты посуду. Появление на сцене миски с водой, как показалось мальчику, было добрым предзнаменованием и должно было означать, что сложная магическая операция на колене вот-вот закончится. Могло, конечно,

быть и по-другому, и вода могла означать, что всё самое трудное ещё только-только начинается. Но Валентину почему-то казалось, что он в своих радостных ожиданиях прав, хоть врачевание и было для него таким тёмным лесом, что темнее просто некуда.

Арлетта Давенпорт

- Да я и не собиралась, - дрогнула плечами Арлетта, которая хотела сперва вообще оставить замечание мужчины без комментариев, но потом решила, что хоть как-нибудь обозначить свою позицию всё же надо. Иначе гробовое молчание можно будет истолковать довольно двусмысленно, и как знак молчания, и как знак протеста - вопреки расхожей поговорке, крутить его легко можно в обе стороны. Пока таланты Маргариты не начали влиять на детей разрушительным образом - а таких примеров до сегодняшнего дня пока не было и, как надеялась Арлетта, в ближайшем будущем и не должно было больше появиться, - зримых поводов пытаться отсечь рыжую девушку от детей не предвиделось.

- Миску не надо держать, её нужно поставить. А вот это богатство можно забрать, - сказала Арлетта, кивая на по-прежнему сложенные рядом с циновкой боккены, шнур и пояс. - Оно сегодня сослужило гениальную службу, но больше эта гениальность пока не требуется. И не потребуется, смею надеяться.

В миску с водой Арлетта сбросила ша-ци из ноющих рук, и вода немедленно потемнела. Теория гласила, что сбрасывать ша-ци можно и просто в землю, без дополнительных ухищрений, но Давенпорт осторожничала, не желая проверять, является ли деревянный пол лазарета тождественным земле, и мазать негативную энергию по полу. Избавившись от ша-ци и от тяжести в руках, Арлетта в последний раз взглянула на ауру Валентина, лишний раз убедилась в том, что серый разлом исчез и кость цела, ласково потрепала сына по голове и объявила: - Сразу скакать на этой ноге я бы на твоём месте не стала, но ходить можно. Исцелен и свободен. Но, очень прошу, хотя бы до вечера воздержись от поиска новых приключений на свои конечности, а?

Маргарита Эрнандес

Послушно поставив миску, Маргарита быстро собрала «добро» Мотидзуки сана, сослужившее сегодня хорошую службу и, молча, передала мужчине, оставив себе больше никому не нужные боккены. Раз другой помощи от нее не требовалось девушка немного отошло в сторону, чтобы не раздражать Арлетту излишним вниманием и принялась наблюдать за процессом лечения издалека, стараясь вынести для себя что-то полезное, чтобы в следующий раз не бежать за помощью к более опытным врачевателям.

Мастер Давенпорт, тем временем, вполне успешно справлялась со своей работой, убирая перелом и возвращая ногу Валентина в состояние пригодное для самостоятельного передвижения. Сбрасывать ша-цы Рита толком не умела, а потому за этим процессом следила с особым вниманием, в кой-то веке, огорчаясь своему сложному отношению с магией Воды. Арлетта же все делала ловко и быстро, в скором времени, явив миру вполне здорового сына, чем вызвала у рыжей восхищенный возглас:

- Ух, ты! Уже готово? – Заданный вопрос, призванный выразить отношение девушки к происходящему, не требовал ответа.

- Теперь, когда самое важное позади, нас начнут карать? – Не то, чтобы Маргарита верила в лютую расправу над вероятными виновниками, но к паре взвешенных рекомендаций со стороны наставницы была вполне готова. Тем более что каждый из присутствующих их в той или иной мере заслужил.

Тору Мотидзуки

Практически слившись со стеной Тору, раз не мог помочь, то старался хотя бы не шуметь, чтобы ненароком не отвлечь мать Валентина от совершенно непонятного ему, но, вероятно, сложного процесса. Пошевелился он лишь однажды, принимая пояс и сагэо из рук Маргариты, все остальное время, изображая из себя уникальную статую и не забывая при этом внимательно наблюдать за происходящим.

То, что обитателя монастыря не чужды чему-то магическому, японец знал давно. Но, не считая некоторых фокусов его рыжеволосого наказания, названных магией Воздуха, Мотидзуки наблюдал нечто подобное на столь близком расстоянии впервые и, должен был признать, что увиденное впечатляло. Сам Тору умел только ломать, а вот лечить, тем более с такой скоростью... Что-то подобное всегда оставалось на уровне безумных мечтаний.

Наконец, процесс лечения закончился, что ознаменовалось очередным странным вопросом от мастерицы дурацких формулировок. Как женщина, чьего имени он до сих пор не знал, должна была, по мнению Маргариты, карать присутствующих, мужчина так и не понял. Хотя, монастырь, являясь необычным местом, имел возможность преподнести ему еще немало сюрпризов. И одним из них вполне могло стать получение какого-нибудь экзотического наказания.

Валентин Давенпорт

В последние минуты, когда в кости шебуршало странное ощущение - то ли её покалывало, то ли этим словом точно не описать происходящее, но внутри ноги явно что-то происходило, а значит, процесс исцеления на всех парах двигался вперёд, - Валентин за движениями маминых рук следил особенно напряженно, даже дышать через раз забывал. Мальчик только что не всей кожей чувствовал: вот, сейчас чудо войдёт в завершающую стадию, а потом оп, и случится. И можно будет опять с целой ногой прыгать по окрестностям - хотя, наверное, лучше сразу же так ногу не нагружать, а всё-таки выждать немного.

- Уже все? - удивился Фельтин примерно с теми же интонациями, что у Маргариты. Осторожно согнул и разогнул ногу - нога согнулась и разогнулась, как будто всегда здоровой была, без каких-то видимых трудностей. Тогда Валентин попробовал на эту ногу опереться и приподняться на ней - это испытание нога тоже выдержала с честью, не пытаясь больше подломиться.

- Хоть до завтрашнего утра ничего искать не буду, - пообещал Валентин, который живо представлял себе, что мог бы в иных условиях просидеть в гипсе целый месяц. На фоне этого - провести один спокойный вечер дома, никуда не высовывая нос, вообще жертвой не казалось. - Mam, спасибо. Ты лучшая! - и Фельтин немедленно повис у матери на шее с объятиями. И вполне искренне выражая радость, и в то же время - коварно мешая матери перейти в карательный режим, чтобы закончить день всё-таки можно было на светлой ноте, а не казнями там какими-то.

Арлетта Давенпорт

- Те, кто сомневаются в моих исключительных талантах, в следующий раз будут лечить себя сами, - ворчливо сказала Арлетта, даже на миг оторопевшая от того, как её вдруг со всех сторон начали на разные лады спрашивать "что, неужели уже готово" и как будто даже хотели в конце прибавить "да не заливай". Правда, Валентин быстро исправился, как только убедился, что нога действительно цела и работает. Сын полез обниматься, и Арлетта тут же растаяла, как разомлевшая на солнце кошка. Где уж тут кого-то наказательно рвать в клочья и на британский флаг, тут ни лапой, ни даже кончиками усов лишний раз шевелить не хочется.

- Радость моя, ты так сильно хочешь, чтобы тебя покарали? - удивилась Арлетта, припадая щекой к тёплой макушке Валентина. Проштрафившиеся ученики в этом месте уже бы десять раз слиняли прочь, пользуясь тем, что про них так удачно позабыли. Маргарита же самоотверженно напрашивалась на показательную порку, да так старательно, что прямо неуютно было ей в таких горячих просьбах отказывать. Как бы абсурдно ни звучало - вот именно таким боком рыжая Эрнандес умудрилась все вывернуть и с ног на голову перевернуть.

- Не могу отказать, когда меня так настойчиво просят. Сейчас придумаю тебе в наказание какую-нибудь каторжную работу, - пообещала Арлетта. Давенпорт, в принципе, была готова ограничиться заявлением "сегодня живите, но если ещё раз принесете мне ребенка в таком виде - головы вам, тренерам бедовым, поотрубаю и возле своего дома на пики насажу, чтобы другим впредь неповадно было", но уж как-то так сложилось, что ограничиться этим заявлением у Давенпорт не вышло. С Маргариты Арлетта перевела взгляд на мужчину, безмолвно вытянувшегося вдоль стены - вот кто не отвечивал очень грамотно, но, пусть скажет спасибо Маргарите, толку от этого не оказалось никакого, - и лукаво поинтересовалась: - Вас как - тоже нужно примерно покарать? Как желаете?

Маргарита Эрнандес

Каторжные работы Маргарита не любила и, по понятной причине, особого энтузиазма от перспективы перевоплощения в каторжника не испытывала. Но, обладая повышенным чувством ответственности за окружающих, особенно если речь заходила о детях наставницы, начинала чувствовать свою вину, когда что-то шло не по плану, а уж тем более, заканчивалось травмами. Так что про карательные мероприятия рыжая спросила для очистки совести, давая Арлетте, как, в каком-то смысле, пострадавшей стороне, оценить тяжесть своих прегрешений и, при необходимости, вынести приговор.

- Если что, получения суровых наказаний я не жажду, - на всякий случай уточнила девушка, если у наставницы сложилось впечатление о наличии у нее прогрессирующей склонности к мазохизму. – Вину признаю, но как смягчающие обстоятельства прошу рассмотреть хорошие побуждения, с которыми все это плачевно закончившееся мероприятие начиналось и своевременное оказание первой медицинской помощи.

Закончив свою повинную речь, Рита замолчала, давая Арлетте возможность проникнуться глубиной ее раскаяния, одновременно с этим наблюдая за здоровым и активным Валентином. К счастью, сегодняшняя история закончилась вполне себе благополучно, успев, при этом, принести изменения в жизнь одного человека, подпирающего в данный момент стену, последствия которых Эрнандес сейчас бы

предсказывать не взялась.

Тору Мотидзуки

Как Тору и предполагал, опрометчивое высказывание болтливой рыжеволосой особы о необходимости покарать виновных, «отрикошетив» от матери Валентина, прилетело в него. К счастью, заданные женщиной вопросы прозвучали не угрожающе, а скорее, игриво. Вероятно, обретение сыном здоровой ноги, подняло настроение врачевательницы, избавило от лишних тревог и позволило немного расслабиться за счет легкого подтрунивания над неудачливыми тренерами. Не имея ничего против и даже испытывая некоторый интерес к тому, куда может привести поднятая тема карательных мер, Мотидзуки немного «отлип» от стены, внимательно посмотрел на женщину, выдерживая небольшую паузу и официальным тоном сообщил:

- В нашей культуре принято карать себя самостоятельно, но, поскольку, я здесь в гостях, обещаю отложить вспарывание живота на потом и последовать местным традициям, а потому передаюсь в ваше полное распоряжение.

По непроницаемому выражению лица трудно было понять, насколько японец в данный момент серьезен, и лишь опытный глаз мог заметить легкие подрагивания губ, подсказывающие, что его слова содержат явные осознанные преувеличения, позволяющие ненадолго отвлечься от полезших со всех сторон в голову мыслей о ближайшем будущем, изменившемся с учетом развернувшихся неожиданным образом событий.

Валентин Давенпорт

Услышав, как мама пригрозила раздачей наказаний, Валентин напрягся, чисто на всякий случай. С одной стороны, настроена вроде мама была благодушно, рубить и карать со страшной силой не собиралась. А с другой стороны, если уж пойдёт наказывать, так может всех перебрать, включая пострадавшего - тем более что от травмы уже все равно осталось одно только воспоминание.

В общем, сложно всё как-то выходило, а может статься, даже и не очень приятно.

- Я тоже согласен, чтобы меня покарали, - торопливо сказал Валентин, спеша придумать себе сам что-нибудь славное, пока мама не придумала за него что-нибудь далеко не такое славное. - Предлагаю наказать меня страшным, нудным, но очень полезным занятием по ментальной магии. Я готов к этой участи и смиренно её приму, - торжественно завернул Фельтин. Идея быть наказанным хорошей лекцией по ментальной магии ему на самом деле очень нравилась. С одной стороны, детей вроде как и полагается наказывать уроками, дополнительными домашними заданиями и всяким таким прочим. А с другой стороны, уроки Валентина никогда особенно не пугали, а по интересующим его темам, так и вовсе наоборот, только радовали.

В общем, в отношении самого себя Фельтин всё придумал идеально, просто на загляденье. Оставалось теперь только надеяться, что и в отношении Маргариты и Мотидзуки-сана мама придумала тоже что-нибудь скорее символическое, чем действительно наказательное.

Арлетта Давенпорт

Валентин со своим предложением вместо наказания пойти и начать страшно мучиться на ментальной магии выступил не сказать чтобы шибко вовремя - но, поразмыслив, Арлетта не нашла в его словах ничего нездорового или предосудительного. Поэтому Давенпорт одобрительно кивнула: - Добро! Наказан. Можешь хоть сейчас идти и искать мастера, который согласится тебя ментальной магией мучить. Только сперва зайти домой, покажись Дарсии. Пусть увидит, что ты живой, здоровый и больше не сломан. Все, свободен. Ну, а теперь с вами... что бы мне с вами такое сделать? - Арлетта повернулась к незадачливым учителям и изобразила глубокие раздумья. Как будто выбирала между повешением и четвертованием.

На самом же деле ответ пришёл довольно быстро и был отчасти продиктован словами самих же наказуемых тренеров. Опираясь сперва на слова мужчины, Арлетта сообщила: - Местные традиции предписывают за проступки отправлять виновных на работы на благо монастыря. А поскольку Рита просит принять хорошие побуждения во внимание и за честь их как смягчающее обстоятельство, - Арлетта кинула на Маргариту короткий взгляд, убеждаясь, что пока рыжая не пытается от этих своих слов отказаться, - то я дам вам возможность реализовать эти хорошие побуждения. В качестве отработки будете заниматься с учениками, делиться с ними своими знаниями. Заодно и преподавательские навыки свои подтянете, и мастеров слегка разгрузите, - подытожила Арлетта, которая под загруженным мастерами, как обычно, имела в виду в первую очередь себя. - Ученики будут взрослые, их зашибить так легко у вас не получится. Слушаю ваши вопросы, предложения, протесты.

Маргарита Эрнандес

Слушая Валентина, рыжая в очередной раз порадовалась, что сын ее наставницы вполне здоров и готов к новым ученическим подвигам. По мнению Риты, конкретно его наказывать было не за что, но поскольку все участники неудачной тренировки решили примерить на себя роль «самого виноватого человека в мире», выбор в качестве наказания занятия по ментальной магии показался девушке очень разумным решением.

Разобравшись с Валентином, Арлетта приступила к озвучиванию воспитательно-карательных мер, которые планировалось принять по отношению к главным «виновникам торжества». Предложение наставницы позаниматься с учениками Маргарита восприняла с энтузиазмом и легким удивлением, связанным с недооценкой мастером Давенпорт ее способностей к причинению вреда себе и окружающим, но последний момент комментировать так и не решилась.

- Я смиренно принимаю наказание, - торжественно произнесла Маргарита, не скрывая довольной улыбки. - Но, прежде чем приступить к выполнению штрафных работ, стоит куда-то определить нашего гостя, - девушка бросила многозначительный взгляд в сторону Тору, - который, я полагаю, задержится здесь надолго.

По итогам всего произошедшего Рита испытывала чувство глубокой благодарности к детям и Арлетте, своими действиями и словами заставившими упрямого японца сделать шаг и пересечь линию ворот монастыря, о чем, как поняла, сопоставив известные ей факты девушка, он думал достаточно давно, но по каким-то одному

ему известным причинам не решался этого сделать.

Тору Мотидзуки

Тору не слишком верил в судьбу и судьбоносные встречи, но, учитывая в каком ключе начали развиваться события, был готов признать сегодняшнее вторжение детей в его личное пространство неслучайным. То, о чем он так долго думал, произошло само собой, без привычных сомнений и терзаний, закрутившись таким образом, чтобы у японца не оставалось возможности отступить. А последние слова матери Валентина, окончательно привязывали Мотидзуки к монастырю и демонстрировали, что если долгое время не можешь принять решение самостоятельно, то кто-нибудь сделает это за тебя.

- Польщен вашим доверием, - Тору сопровождал свои слова неглубоким поклоном. Мужчина десять раз подумал бы, прежде чем подпустил к ученикам человека, выглядящего столь же сомнительно, как сейчас он сам. Но, вероятно, рассказ Маргариты и отсутствие комментариев Валентина о том, что он весь из себя такой жуткий и иногда использует детей в гастрономических целях, а может и просто женская проницательность позволили врачевательнице определить его именно туда, где он всегда был наиболее полезен – в преподавание.

- Меня зовут Мотидзуки Тору. – Японец посчитал уместным сообщить свое имя, после того, как его так круто взяли в оборот. – На случай, если вам в будущем еще придется помянуть меня добрым или не очень словом.

Об этом самом будущем Тору пока думать не хотел. События развивались неожиданным образом, и теперь ему приходилось приспосабливаться к ворвавшимся в его жизнь изменениям. Но, что самое главное, Мотидзуки не жалел о произошедшем. Он не мог предсказать, что его ожидает в ближайшие месяцы, только предполагать. И эти предположения, как ни странно, внушали не опасения, а надежду на обретение передышки после бесконечного пути к неизвестной цели.

Валентин Давенпорт

Валентин кивнул дважды - сперва торжественно, выражая полную удовлетворенность тем, как они с мамой легко и быстро договорились о "наказании" для мальчишки, а потом торопливо и понимающе, признавая, что и вправду надо бы показаться сестре. Сам же говорил, что Дарси от волнения на стенку полезет - ну так вот надо её поводов для такого волнения лишить. Показав ей, например, свою обратно целую ногу. Это должен быть вполне себе неплохой способ успокоить сестру, осталось только эту гипотезу на практике проверить.

- Понял. Бегу, - серьезно сказал Валентин, мысленно вычерчивая в голове предстоящий маршрут: сперва домой, чтобы там показаться сестре, живым, здоровым и больше не сломанным, а потом из дома немедленно петлять до наставника и у него просить занятие. Если наставника на месте не окажется, не отчаиваться и не опускать рук, а просто взять и пойти по всем мастерам, кто найдётся, лишь бы соорудить себе занятие прямо сегодня, никуда не откладывая. Да, это звучит как хороший план.

Поднявшись на ноги, на бывшую сломанную ногу Валентин в первый миг наступил всё ещё с опасением - но опасения оказались излишними. Нога прекрасно держала мальчика, прямо как в старые добрые времена. Наслаждаясь тем, что наконец-то он

опять ходит своими ногами и посторонняя помощь ему для этого больше не требуется, Фельтин бойко прошёл к выходу из лазарета. На пороге мальчик обернулся, поклонился и сказал, адресуясь к Маргарите и Мотидзуки-сану: - Спасибо за всё. До свидания!

Прощавшись, Валентин окончательно испарился из лазарета. У него впереди ещё был большой хороший план, с которым кровь из носа надо было справиться до вечера. Некогда задерживаться.

Арлетта Давенпорт

С учётом того, как тяжело и заковыристо начинался день - наверное, то, как сейчас легко и гладко он заканчивался, было отчасти справедливой компенсацией. Вылечить Валентину ногу получилось, не столкнувшись ни с какими осложнениями, раздать "наказания" тоже вышло, не встретив не то что ни одного весомого - вообще никаких протестов. Словом, эта часть Мерлезонского балета, шла легко и гладко, без сучка без задоринки. Как будто все заранее договорились, кто и что говорить будет, чтобы всех остальных это устроило.

- Только не очень бегом беги! - предупредила Арлетта покидающего лазарет сына. Ей всё же казалось, что не стоит лишний раз испытывать удачу и на только что вылеченной ноге скакать всю дорогу до дома. Лучше уж лишний раз перестраховаться.

- Вот уж расселением гостя, пожалуйста, займись сама. Куда селиться, ты знаешь, свободные комнаты там есть, - немедленно отказалась Арлетта, перебрасывая эту обязанность с себя на Маргариту. И виновато развала руками: - Я бы вас, может, и проводила, но я сегодня прикована к лазарету, как Прометей к скале. Дежурю, не могу покидать боевой пост, - вдруг сейчас явится ещё кто-то со сломанной ногой. Или что там ещё обитатели монастыря так любят себе ломать.

Никакое, даже самое печальное дежурство, тем не менее, не могло помешать Арлетте завести новое знакомство. Давенпорт вежливо кивнула: - Рада с вами познакомиться, - и в той же манере представилась в ответ: - Арлетта Давенпорт. На случай, если у вас станут спрашивать, кому взбрело в голову доверить вам учеников, и вам нужно будет на кого-то сослаться.

Представившись, Арлетта встала и взяла в руки миску с почерневшей водой. Ей как минимум надо было выплеснуть эту воду на улицу и вернуть миску на место - а в идеале, так ещё вернуться после этого к чтению трактата, потому что необходимость овладеть способностью восстанавливать нервы пока никто не отменял. Арлетте так и вообще казалось, что время поджимало.

Маргарита Эрнандес

Валентин испарился из лазарета с такой скоростью, не забыв, в прочем, попрощаться с рыжей и своим новым знакомым, словно это тут не его сейчас лечили от перелома ноги. Маргарита даже почувствовала легкое чувство зависти, поскольку ей самой так бодро скакать после серьезных травм не доводилось ни разу. Но, детская активность — это хорошо, а ряд назревших вопросов так до сих пор еще не был решен. И первый из них заключался в размещении Тору в жилом корпусе.

- Хорошо, с расселением я разберусь, - покладисто ответила на слова наставницы Риты. — Пойдемте, Мотидзуки-сан, я покажу, где здесь можно остановиться, а потом проведу небольшую экскурсию по территории монастыря.

Попрощавшись с Арлеттой, девушка направилась к выходу и, уже было перешагнула порог лазарета, как промелькнувшая в голове мысль заставила рыжую резко затормозить и, обернувшись, добавить одно, но сейчас очень важное для нее слово:

- Спасибо.

Тору Мотидзуки

То, как без нормального согласования с ним решался вопрос его размещения в монастыре и, вероятно, дальнейшего проживания, в обычной ситуации должно было вызвать у Тору острое желание сказать что-нибудь резкое. Но сейчас в голове японца, способной генерировать колкости практически в неограниченном количестве, становилось как-то пустовато. И единственные связные мысли, которые Мотидзуки мог, при необходимости, перевести в слова, представляли собой что-то вроде: «рад знакомству», «взаимно» или «если что, буду ссылаться на вас».

По итогам, единственным, что Тору все же смог произнести, стали слова прощания. Ну а дальше он и вовсе сделал нечто совершенно не вяжущееся с его обычным поведением – молча последовал за Маргаритой, полностью вверяя себя ее заботам и надеясь, что в будущем ему не придется пожалеть о своей сегодняшней покладистости.
